

«... В последние дни... господин Карасума, миллионер... *хр-р-р*... всё ещё разыскивает своего пропавшего сы... *пш-ш-ш*... сообщившему любые сведения гарантировано огромное вознаграждение...»

Доносившийся из старого радиоприёмника голос то и дело прерывался резким, режущим слух шипением.

Пользуясь тем, что на улице было безлюдно, А-Эр уже незаметно ушёл. Рэнъя остался один, чтобы присматривать за Сиро Куросавой. Он приготовил миску яичной каши; и хотя у только-только идущего на поправку Сиро совсем не было аппетита, тот всё же съел всё дочиста, не желая обижать друга.

Видя, что еда идёт Сиро на пользу, Рэнъя окончательно успокоился — болезнь наконец-то отступила. Облегчённо вздохнув, он с весёлой улыбкой наложил каши и себе.

Ел он не слишком аккуратно, то и дело размазывая кашу по щекам. Да и откуда взяться хорошим манерам у сироты, выросшего в глухой, заброшенной деревушке, где некому было обучить его правилам приличия?

Других детей в округе не водилось, и приютить Рэнъю желали многие. Однако суеверные деревенские жители верили, будто над ними тяготеет проклятие, из-за которого у них не рождалось здорового потомства. Они до смерти боялись, что и Рэнъя — единственный крепкий ребёнок в деревне — угаснет под их присмотром. В конце концов сошлись на том, что мальчику лучше кормиться у всех понемногу: считалось, что так он вернее избежит злого рока и вырастет здоровым.

К счастью, аппетит у Рэнъя был отменный. Ел он с таким удовольствием и так мало привередничал, что даже самый сытый человек, глядя на него, невольно захотел бы потянуться за добавкой.

За едой Рэнъя вдруг вспомнил об их учителе, который недавно ушёл.

Если подумать, он ни разу не видел, чтобы учитель ел. Рэнъя и раньше порывался принести ему что-нибудь съестное, но тот всегда мягко отказывался, уверяя, что со всем справляется сам, и советовал мальчику побольше есть, чтобы вырасти сильным.

Раз учитель так говорил, Рэнъя не стал настаивать. Но сейчас он почему-то живо представил, как бы это выглядело.

Рэнъя понимал, что мало что видел в этой жизни, но даже он чувствовал в каждом жесте учителя неуловимое благородство — точно у выходца из древнего, знатного рода, о котором иногда рассказывали по телевизору. Должно быть, и за едой он держался с безупречным изяществом.

И пусть лицо его всегда скрывала маска, оставляя открытыми лишь глаза, а голос звучал хрипло, надтреснуто, будто разорванный надвое, Рэнъя всем сердцем верил: их учитель — человек удивительной душевной красоты и доброты.

Заметив его задумчивость, Сиро спросил:

— О чём ты задумался?

— Слушай, а как думаешь, какой учитель, когда ест?

— Хм, никогда об этом не думал, — протянул Сиро. — Но раз это учитель, то даже просто обедает он, наверное, очень красиво.

Их мнения сошлись. Мальчишки с жаром принялись обсуждать своего наставника. Но когда разговор утих, Сиро вдруг помрачнел и с тихой грустью вздохнул:

— Вот бы учитель стал нашей семьёй...

Рэнъя, в отличие от друга, не испытывал такой острой тоски по семейному теплу; его вполне устраивало, что учитель остаётся просто учителем. Но, желая подбодрить Сиро, он предложил:

— А ты попроси его. Вдруг он согласится?

При всей своей беззаботности и весёлом нраве Рэнъя обладал врождённым чутьём на чужие слабости. Пожалуй, именно эта проницательность и позволяла ему так легко ладить со взрослыми в деревне.

Он искренне привязался к А-Эру, но быстро сообразил, что тот невероятно снисходителен к детям и склонен баловать их. Этим маленьким уязвимым местом Рэнъя время от времени бессовестно пользовался, чтобы выпросить желаемое.

И это работало безотказно! Против детских капризов и ласки у А-Эра попросту не было защиты.

Рэнъя казалось, что Сиро достаточно лишь немного поканючить, и заветная мечта исполнится. Однако у самого Сиро на этот счёт было другое мнение.

Он не умел, подобно другу, манипулировать людьми, но зато много читал, любил слушать предания и вникать в их скрытый смысл. Слушая рассказы учителя, он научился угадывать за ними душу самого рассказчика.

В мелочах учитель мог уступать, потакать им и прощать любые шалости — потребуй они от него отсечь себе руку, он, пожалуй, лишь кротко улыбнулся бы в ответ. Но в вещах, которые считал принципиальными, он становился непоколебим как скала. И предложение стать их

названным родителем он, скорее всего, отверг бы.

Их спор о характере наставника грозил затянуться, как вдруг дверь со скрипом отворилась. На пороге показался староста деревни, а из-за его плеча с любопытством выглядывала соседка.

— Сиро, мальчик мой, как ты себя чувствуешь? — мягко спросил староста, проходя в комнату и ставя на стол коробку молока. — После такой хвори нужно восстанавливать силы. Вот, держите, разделите на двоих.

Деревня жила обособленно, обеспечивая себя всем необходимым, и лишь изредка староста отправлял людей на соседний крупный остров за покупками. В этих краях подобный гостинец был настоящей роскошью.

Растроганный Сиро принял подарок и поклонился:

— Спасибо вам большое, староста. Мне уже гораздо лучше.

Староста расспросил ребят о житье-бытье, поинтересовался, хватает ли им еды и тёплой одежды, а затем как бы невзначай перевёл разговор на другую тему:

— Кстати, о том вашем походе в святилище... Вы ведь видели ту картину? Не сильно перепугались?

Заметив, как мальчики переглянулись и притихли, старик добродушно рассмеялся:

— Ну-ну, не скромничайте! Нечего тут стыдиться, любого бы бросило в дрожь от такого зрелища. Уж очень жуткое полотно. Помню, в молодости я тоже на него наткнулся — так перепугался, что к ночи слёг в лихорадке. Еле оклемался тогда.

— И с вами всё обошлось? — с тревогой спросил Сиро, но тут же осёкся, поняв, какую глупость сморозил. Живой и здоровый староста стоял прямо перед ним. Щёки мальчика вспыхнули румянцем. — Ой, простите...

Старик лишь отмахнулся:

— Да ладно тебе. Тогда все в один голос твердили, будто меня настигло проклятие картины. А сейчас я понимаю: обычный испуг, да ещё и в старом святилище, где веками скапливалась всякая зараза, вот подхватил лихорадку. Проклятия — это всё глупые сказки. Но у вас, детишек, здоровье хрупкое, так что держитесь от того места подальше.

Его тёплая улыбка успокоила ребят, и они робко заулыбались в ответ.

— Вы в последнее время только и делаете, что расспрашиваете о деревенских запретах, — продолжил староста, прищурив глаза. — Понимаю, детское любопытство. Но с чего вдруг такой интерес? Раньше вас и близко эти бредни не волновали, только бы телевизор смотреть да

на пляже бегать.

Рэнъя открыл было рот, чтобы ответить, но Сиро вовремя больно сжал его ладонь. Лицо больного мальчика мгновенно осунулось, он тихо застонал:

— Извините... мне что-то опять нехорошо.

Все расспросы старосты мигом вылетели у Рэнъя из головы. Он коснулся лба друга и, почувствовав, как тот внезапно покрылся ледяной испариной, засуетился:

— Ложись скорее, я сейчас принесу горячей воды!

Староста встревоженно нахмурился:

— Может, стоит снова позвать господина Оту?

Ота был единственным в деревне, кто хоть немного смыслил в медицине.

Сиро слабо кивнул:

— Да, пожалуйста... Спасибо вам.

Едва за старостой закрылась дверь, Рэнъя вернулся с дымящимся тазом и полотенцем, собираясь обтереть Сиро. Но тот внезапно вцепился мёртвой хваткой в его запястье. Его зубы дрожали, выбивая частую дробь, но он изо всех сил старался говорить внятно:

— Быстрее... Беги к учителю... — Он запнулся на мгновение, но закончил: — Передай ему, чтобы он немедленно уходил с острова.

— Но почему?! — опешил Рэнъя. Ему совсем не хотелось расставаться с наставником. Он ведь уже распланировал, как они втроём уедут в Токио!

— Похоже, кто-то заметил, как учитель пробирался к нам или уходил, — торопливо объяснил Сиро. — Староста приходил только ради того, чтобы выведать дорогу. Они пока не знают, где он прячется. Но наш остров крошечный. Если учитель не уйдёт, его найдут, это лишь вопрос времени.

— Поспеш! Нет, стой, я пойду с тобой! — Сердце Сиро сжалось от страшного предчувствия: вдруг это их последняя встреча? Он попытался сползти с кровати, но ослабшие после болезни ноги подкосились, едва коснувшись пола, и он беспомощно рухнул на колени.

Осознав всю серьёзность положения, Рэнъя бросился к другу и помог ему забраться обратно на постель.

— Я сам! Лежи, тебе нельзя вставать! Всё будет хорошо, я успею!

С этими словами он выскочил из дома.

Мысли путались, в голове шумело, а сердце колотилось в груди так бешено, что каждый вдох отзывался острой болью в лёгких.

Рэнъя отчаянно пытался цепляться за глупую детскую надежду. Жители деревни всегда любили его, баловали и прощали любые капризы. Ну и пусть взрослые иногда бубнили про древние запреты — всё это наверняка глупости. Учитель такой добрый, от него всегда так приятно пахнет, разве может он быть злым духом из страшных сказок? Стоит людям поговорить с ним, и они поймут, какой он замечательный.

Да и староста только что принёс им молока и успокоил, сказав, что никаких проклятий не существует. Наверняка он заступится за учителя, если возникнет недоразумение.

Увлечённый бегом, мальчик не замечал пугающей странности: улицы, обычно оживлённые в этот час, вымерли. На всём острове воцарилась звенящая, мёртвая тишина, будто он остался совершенно один.

Добежав наконец до заветной пещеры, где укрывался А-Эр, Рэнъя без сил прислонился к каменному своду и тяжело, со свистом выдохнул:

— Учитель!..

А-Эр, который как раз обдумывал новую историю для ребят, встревоженно поднялся навстречу запыхавшемуся мальчику:

— Что случилось? Сиро опять стало хуже?

Он уже готов был сорваться с места, прикидывая, как незаметно проскользнуть к дому больных мальчишек.

— Нет, дело не в этом... — Рэнъя судорожно хватал ртом воздух, пытаясь унять дрожь. Кое-как справившись с дыханием, он торопливо пересказал предупреждение Сиро.

А-Эр нахмурился. Каждый раз, навещая Сиро, он проявлял предельную осторожность и путал следы. Никто не мог его выследить. Разве что... в тот момент, когда он, позабыв обо всём на свете, сидел у постели больного ребёнка и ослабил бдительность.

— Хорошо, я ухожу, — мягко сказал он. Меньше всего ему хотелось навлекать беду на этих детей.

Заметив, как у Рэнъя задрожали губы, А-Эр со вздохом опустился перед ним на корточки и легонько коснулся его плеча:

— Не грусти.

— Мы ведь ещё увидимся? — спросил мальчик, и в его глазах блеснули слёзы.

— Если представится возможность, я обязательно вас навещу. Ну же, утри слёзы.

Рэнъя послушно кивнул и открыл было рот, чтобы рассказать, где укрыта лодка, на которой можно сбежать, как вдруг снаружи донёлся приближающийся гул множества шагов.

А-Эр среагировал мгновенно, задвинув мальчика себе за спину.

В полумрак пещеры один за другим начали входить деревенские жители. В руках они сжимали вилы, косы и факелы. Их глаза, лишённые живого блеска, мертвенно чернели в тусклом свете, а тени толпы, ложась на неровные стены, казались уродливыми, сочащимися гноем нарывами.

Впереди всех шёл староста. На его лице по-прежнему играла та самая мягкая, благообразная улыбка.

— Славный мальчик, умница, — ласково пропел старик. — Спасибо, что показал нам дорогу. Стоит избавить остров от этого демона, и проклятие навсегда покинет наши дома.

Мир Рэнъя рухнул в одно мгновение. С неизбывным отчаянием преданного ребёнка он закричал:

— Вы же сами говорили, староста! Сами говорили, что проклятия — это просто сказки!

А-Эр окинул взглядом обступивших его людей. Вокруг них действительно клубилась тёмная, удушливая дымка.

Только вот это проклятие породил вовсе не он. Оно соткалось из их собственной злобы, зависти и первобытного страха.

Он тихо вздохнул. Нынешнее тело было слишком слабым и хрупким, чтобы дать отпор или сбежать.

Выпрямившись во весь рост посреди сырой, мрачной пещеры, А-Эр казался чистым, ровным пламенем, на которое обречённо летели обезумевшие ночные бабочки.

— Только не трогайте мальчика, — негромко попросил он.

Тем временем Сиро, затаив дыхание, прислушивался к каждому шороху за стенами дома. Он отчаянно надеялся расслышать торопливые шаги друга и заветные слова: «Учитель спасся».

Расставаться было невыносимо больно, но жизнь наставника была важнее любых привязанностей. Сиро верил, что они обязательно встретятся вновь. Пройдёт время, и они снова будут неразлучны.

Однако вместо долгожданных добрых вестей с улицы донёсся надрывный, истошный плач Рэнъи и тяжёлый топот десятков ног.

Собрав последние крохи сил, Сиро сполз с постели и, цепляясь за стены, буквально выполз на крыльцо.

То, что открылось его взору, превзошло самые страшные кошмары. Посреди площади, окружённый плотным кольцом торжествующих жителей, на высоком столбе, объятый ревущим пламенем, горел их учитель.

<http://bllate.org/book/18335/1760505>